

Олег Мошников

Стихи к 70-летию Победы

КОНЦЕРТ КО ДНЮ ПОБЕДЫ

«В полях над Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой...»
И тесен зал колонный
Становится порой,
Когда дивизионы
Берут гитары в строй.
Простужены колонки.
Гудит сердитый бас.
Но лишь одну девчонку
Кружил военный вальс,
Клялись артиллеристы
В любви лишь ей одной!
А девочка-солистка
Дышала той войной...
Прозрачней плачей светлых
Звучал ее вокал,
За горечь дней победных
Ей зал рукоплескал.
И взор ловил смущенный
Мир юный, мир живой,
Ансамбль дивизионный,
Оркестр духовой.

ЗНАХАРЬ

А. В. Петухову

Книга морщин – на большую судьбу.
На разговор человеческий – миг.
Пробует ложкой свою ворожбу,
Гостя к столу приглашает старик.

Прячет улыбку в соловый прищур,
Режет батон, наливает по сто.
Знает историй немало... Но чу! –
За сердце взяло его ведовство:

«Высушить клевер и хвощ полевой,
Корни, крапиву и сразу – в муку...».

Что он колдует над этой травой,
Потчужа гостюшку? Как на духу –

Знахарь, кудесник!.. Черпалкой по дну –
Лиственный сор с Вологодской земли:
«В тую, Великую, злую войну –
Так травяные лепешки пекли...»

* * *

Далеко-далеко
Летит в небе сокол,
Летит в небе сокол,
Сокол-соколок.
А во чистом поле
Средь друзей-героев
Умирает воин.
Синий василек
Ткнулся в руку слепо.
А глаза как небо!
Был солдат и – не был,
И понять не мог,
Отчего без цели,
Шапки и шинели
Под огнем шрапнельным
Гнется стебелек?
Вот бы дотянуться!
В пальцах стебли гнутся,
Долу стебли гнутся.
На пределе сил
Василек кудрявый –
Во траве кровавой –
В поле русской славы
Опрокинул синь...
Высоко-высоко
Кружит в небе сокол,
Кружит в небе сокол.
Строятся полки...
Вкруг горы дорога,
До дому далеко.
А до встречи с Богом
Только взмах руки.

ФОТОГРАФИЯ

тестю П. Г. Терёшкину

Влекут альбомы по старинке:
В тисненьях, сыпи золотой...
На выцветшем военном снимке
Солдатик замер молодой.

На обороте фото – строчки
Дрожат иззубренной волной.
И между дат размытых прочерк
Взрывает пыль передо мной:

На бруствер выкатилась рота
В страду военную, когда
Сроднились намертво с пехотой
Отцовской юности года,

И взгорки – вместо постаментов –
Вблизи околиц луговых...
Для жизни этого момента,
Свидетельства сороковых –

Разъяло время фотовспышка,
Осела пыль, развеян взрыв –
Застыл над бруствером мальчишка,
Меня от пули заслонив.

* * *

Дорога дальняя на Гирвас...
Среди обугленных боров
Уже рябой подлесок вырос.
На месте яростных боёв
Прошёл пожар лесной, недавний...

Горельник вздыбила скала.
Подёрнутые дымкой плавни
Забилась мыльная зола.
И сосны – чёрная пехота –
Глядят на гати с вышины
На бор за клюквенным болотом,
До сердцевин обнажены:

Кора – в рубцах, макушки сбиты,
А не легли к ногам врага!..

И ни приказа, ни молитвы –
Кругом бескрайняя тайга,
Где человека чуют волки
И, не таясь, выходит лось.
Немало в круглые воронки
Грибов и ягод забралось.
Заезжим место не известно...

В кольце заржавленных болот
Из-под огня из перелеска
Не вышел безымянный взвод.

БРУСНИКА

*«...ежегодно спасатели Карелии
обезвреживают до трех тысяч единиц боеприпасов
времен Великой Отечественной войны»
из газетной статьи*

Утратив цели, цельность, порох,
Зарос травой бетонный дзот.
Колючий проволочный ворох
Гадючьи норы стережет...

Над лесом замер стрекот птичий,
Застыла зыбь болотных троп...
Не наступает мир для тысяч
Снарядов, мин, авиабомб,

По взгорьям, ельникам, болотам
Карельским, эхо хороня.
Берет брусника насыпь дзота...
За лето не было и дня,
Чтоб с той войны из ям раскисших
«Солдаты» ржавые не шли...
Шипы стальной «колючки» финской
Ладонь до крови обожгли.

Рука спасателя-минера
В борах, где ягоды красны,
Гадючье жало вырвет снова
У страшной памяти войны.

СОРОК ПЕРВЫЙ

Беженцы... беженцы... дальние, близкие...
Стылая пристань, мерцающая во мгле,
Будто плывет над затонами кижскими.
Бродит фонарь по былинной земле.

Боже, прости им сравнение невольное
Сумерек храма и трюма баржи!..
Люди в пути помогли сердобольные,
Дали по горсти мороженой ржи.

Изголодались, замерзли, измучились,
Тропку по белому свету торя,
В храмовой тьме заблудившимся лучиком
Шли по дрова в глубину алтаря...

Тлеет сухое иконное дерево,
Груды намоленных досок темны...
Сколько еще бедолагам отмерено
Огненных верст, лихолетий войны?

Мамки и детки – великие грешники!
Плачет старинных икон киноварь...
Залиты заревом тучи кромешные:
Божий над пристанью поднят фонарь.

МАТЬ

У окна старушка
Уж какой денек:
«Саша и Павлушка,
Срок уже истек»...
Не бегут сыночки
Полям, через лог:
В колких стебелечках
Брызнул василек.
У печи старушка
Стряпает пирог,
Саше и Павлушке
Выбрала кусок:
«Кушайте, ребята,
Счастья дай вам Бог!»

Пальцы виновато
Теребят платок.
Паводком размыло
Жизни берега:
Строжила, любила –
Не уберегла...
Под резным окошком
Темная скамья:
«Курица да кошка –
Вся моя семья...»
В злое лихолетье
Канула война:
Только мать на свете
Все одна, одна...
Присушило горе
Уходящий день.
Пронеслась по полю
Облачная тень.
Налетевший ветер
Подхватил платок:
«Не пожгите дети
Об осоку ног!» –
Саша и Павлушка,
Младшенький сынок...
Ждет и ждет старушка
Сыновей не в срок.

* * *

Бурелом. Через пень колодина.
Паутина осенних дней.
Корневища – аорты Родины –
Рвут глухие сердца камней.

Сколько тропок карельских пройдено...
Над окопом чадят кусты.
И сияют в разломе ордена
Пять щербинок живой звезды.

Отгремели бои-сражения.
Вкруг болотины – сон-трава...
Но от мертвой воды забвения
Заговорные есть слова! –

Проседает ступень-колодина
Голубых заонежских врат:
Родниковое слово – Родина –
Шепчут губы твои, солдат.

ВОЕННЫЕ СБОРЫ

И до сих пор бегут по венам
Ветра вершины Тиурулы! –
Где перед лагерем военным
Стояли сосен караулы,

И скалы ладожского берега
Сверкали латами, как вои.
Шеломы подпирали небо
И на щиты с бессильным воем

Бросались волны, падал ветер!..
И, исчезая в звездах ясных,
Над лесом, замершим под вечер,
Вираз последний делал ястреб...

В 44-м, здесь же где-то,
На Запад плыли самолеты,
И наполняли вены ветром
Солдатам вольные высоты! –

На Лахденпохью вышли точно,
Часы сверяя перед боем...
И схожа вспыхнувшая точка
Росы – с военной судьбою.

Над дымкой зорь, над лугом росным
В ресницах капельки дрожали...
И днем исчезнувшие звезды
На обелисках оживали.

ЖУКОВ НА УРАЛЕ

На даче Жукова – цветы.
Замки – на ведомстве военном.

Сомкнулись мокрые кусты,
Стальная сетка: непременно,
Царапать, жалить и колоть,
Настороже, во всеоружье! –
Испытывая дух и плоть,
Привязанность солдата к службе.

На карауле – тишина.
Скользит по проволоке солнце.
Привиты роза и война
К почетной ссылке полководца.
Герой. На службу не роптал.
Отец уральской обороне!
А он – без памяти – устал,
Как будто здесь и похоронен...

Сорвать агатовый цветок,
Развеять стойкий запах смерти,
Остановить, прервать отток
Времени, людей, событий, тверди!
Раскаты ротного «Ура!»,
Живые волны не стихают:
Айда, ребята, за Урал,
Где к майской площади стекают

Полки. Потешные полки.
Не будет нас – границ не станет...
Иные тронет лепестки
Шипами раненная память.

*Свердловск – Петрозаводск,
1986 – 2006 гг.*

ПИСЬМА ПОБЕДЫ

деду Александру Ушакову

Дед мой свои ордена и медали
Сдал перед боем: не дело сверкать
Гордостью ратной, пока не воздали
Немцам!.. В тряпицу холщовую мать

С орденом сына письмо завернула
И положила на дно сундука:
Все что война-лихоманка вернула...
Каждая памятна внуку строка.

В полдень воскресный, читая, как в школе,
Бабушка просит у нас тишины:
*«Выдержка, храбрость и твердая воля –
Нашим бойцам для Победы нужны!»*

Пишет Лександар: «Бывало в разведке –
Вьюга морочит, по пояс снега...
Выдержка нас выручала нередко
И помогала добыть «языка».

Редкий геройствует в шаге от смерти...
В сером, шинельном, солдатском строю –
Не за себя, за Россию в ответе –
Я доказал свою *храбрость* в бою!

В сорок четвертом – в немецких окопах
Брали Малахов курган на ножах:
Дрались за родину, за Севастополь!..
Пуля у самого сердца прошла.

Госпиталь. Полдень. Обход. Между делом,
Бросил хирург, отойдя: «Отслужил...»
Я приподнял непослушное тело
Волей своих неизмеренных сил!

Ранен. Заштопан. Лупцует фашиста
Заговоренный, бедовый солдат!«...
Ровною стопочкой Сашины письма
На домотканой скатерке лежат.

Снова прабабушка встретила с сыном,
Нежно разгладив бумажный изгиб...
Дедушка Саша, дойдя до Берлина,
В мае – за день до Победы – погиб.

Прыгают строчки... В одной круговерти:
Блеклые буковки, родственный круг,
Комната бабушки... В день ее смерти
Вдовий заветный открыли сундук,

Где отыскалась с конвертами вместе
Вся ее пенсия – в двадцать рублей...
Бедным, родным, изболевшимся сердцем,
Родина, письма Победы согрей!

* * *

Дождь прокатился по Хатыни,
Грома весенних, теплых гроз:
И колокольчики печные
Не отличали дождь от слез,

Скорбя о близком и далеком,
Вдыхая горький, зольный жар,
Звучали тихо и глубоко,
Как сердца слабого удар.

Какой немислимой ценою
Советский выстоял Союз!
Обожжена одной войною
Сестра России – Беларусь.

И, вызволив родное Имя,
Глотая слезную теплынь,
Сердцами гулками, печными
Звенит сожженная Хатынь!

ДИДУ

Памяти Ф. И. Галинки

Под могильный камень,
В жижу и суглинку
Не отпустит память
Федора Галинку:

Дышит ночью звездной
Ненько Украина! –
За кривой, погостной
Городьбой – чужбина.

Но России – в спорах –
Не отнять у деда –
Здесь его «Аврора»,
Здесь его Победа!..

Битый век снисходим
До обиды детской

К той стране далекой,
К той стране советской.

А куда податься,
Застолбив границы? –
Впредь – к американцам
Ближе украинцы.

Уповать на память –
Беречь обиду...
Что же будет с нами
И Россией, диду?

Безоглядной веры
Я твоей не стою,
Стоя пред фанерной
Красною звездою.

* * *

Родимый край – бревенчатые храмы,
Клик журавлей, мерцанье тёмных рек...
От нас весной уходят ветераны,
И тает снег, и оседает снег.

Сугробом рассыпается эпоха.
Стакан до дна. И со стола смели
Последний вздор. Ни шёпота, ни вдоха.
До звёзд не дотянуться от земли.

И тишина. Дымясь, она клубится
Провалами в бессонницах ночей.
Она хранит исчезнувшие лица
И, как земля, не может быть ничьей.

* * *

Кто в войну погиб в бою –
битым не был:
мир Отечеству вернул,
детям – Небо.

Век не думал о себе
при народе,
если Родина – в судьбе,
честь – в пехоте.

Кто в блокадную нужду
бедным не был –
ел с ладоней тишину
вместо хлеба:
под бомбежкой – в десять лет –
стержень нужен,
кипяченый снег в обед,
печка – в стужу.

Кто победным дням весны
шел навстречу –
видя смерть, душою слыл
человечьей:
под звездой огневой
в небе синем
Нет Победы без него,
нет – России!

ПЕТРОЗАВОДСК

Храм.
Свечной теплеет воск.
Щит Державы –
Не искал Петрозаводск
Ратной славы,

Не искал... А все одно
С вех Петровых
Шел чугунный лом на дно,
Чтобы снова

К небу вздыбилась волна
И упала,
Затопила край война,
Захлестала,

Перебив в концлагерях
«Сброд» не финский...
Крест на кладбище в Песках –
В память близких –

О прощении блажит,
Боже, свете...
Близь часовенка стоит,
В сенцах ветер.

Пряча в теплую ладонь
Пламя свечки,
Сохраним в душе огонь
Светлый, вечный.

ДВЕ МЕДАЛИ

В районном ДК полон маленький зал:
Пожарным вручали медали.
Стояли навтыжку – кто опоздал.
У сцены места пустовали –

На краешек самый присел ветеран
Судьбой и войной убеленный,
Гвоздику, горящую пламенем ран,
В ладони держа. Удивленно,

Весь зал оглядев, головой покрутил –
В ряду он единственный зритель –
У парня, что подал цветок, на груди
Медаль фронтовую увидел.

И вспомнил объятый огнем Будапешт,
И жаркий оранжевый всполох
Связал воедино медаль «За ЧС»
И смертью плюющийся порох.

Не скоро – за пулей – в колодку вошла
Награда, гулявшая где-то...
Была для солдата кольчужка мала,
Была – долгожданна Победа.

И будто бы вновь раскаленный металл
Под самое сердце ужалил:
«Сыночек, да правда ли? Ты воевал?»
«Случалось – с огнем, на пожаре...»

Не видел войны человек молодой
В открытый прицел трехлинейки...
Алеют гвоздики на строгой, пустой,
Стоящей у сцены скамейки.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Мы несли на руках
Победивших и павших,
Как когда-то они
На руках нас носили:
Сколько их воевавших,
Внучат не выдавших
Марширует в Бессмертных полках
По России.

Белорус, дагестанец,
Карел, украинец
Нам сегодня единой
Вернули страну!
Мы на улицы
Семьями вышли своими,
Чтоб солдатское имя
Осталось в строю.

Рукоплещут героям,
Кто нас вынес из боя –
Без награды, и званья,
И памятных слез:
До сих пор ваши раны
Окопные ноют
Севастополь, Синявино,
Петрозаводск.

Внучке маленькой видится
Просто и ясно:

Поднял на руки небо
Вернувшийся дед!
Вспоминаем, гордимся...
Всех выше казался –
В чередe миллионов –
Отцовский портрет.

ДАР

В. С. Кириллову

В первую руку – бутыль и гвоздики.
После – мужской разговор за столом.
«Как мы в Болгарии немца гвоздили!» –
Ожил Савельич, глядит соколом.

«В освобожденном городе Петрич
К Ванге славяне меня провели:
Здесь подождите, Василий Савельич,
Выйдет Вангелия – диво земли! –

Сызмальства в бедном незрячем ребенке
Вдруг проявился предвиденья дар:
Загодя выдаст – о муже, о жёнке –
Все!.. Я и раньше от здешних болгар
Слышал, что верно слепая пророчит...
Вышла, ладони коснулась: Солдат,
Жить будешь долго...» Савельич хохочет:
«Трижды, сказала, я буду женат!»

Вот так подарок! Выпили по сто.
Старый пожарный, шутя, обронил:
«Лет мне не много – за девяносто:
Дважды женат, трижды холост, и сил

Хватит на то, чтоб по новой жениться!»
Крепок старик – две войны одолел:
Задал он перцу под Веною фрицам,
Перед пожарами – не оробел!

Женится снова – и думать не надо:
Как же пророчеству верить не сметь?..
Сколько улыбок дарила солдату
Все эти годы зазнобушка-смерть.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЗАРЯ

*«Торжественная заря» - военный марш,
исполняемый на праздничных построениях
воинских подразделений*

Погоны и аксельбанты
На юной заре горят:
Военные музыканты
На майский идут парад.

На взлете кларнет спокоен,
И выдох валторны чист...
И слышится вновь: по коням!
«Егорий, – зовет Финист, –

Добудь на коне победу!
Я в пешем пойду строю...
Священной раденья нету –
За землю стоять свою.

Дружины держаться любо,
И верх – на заставе – наш!»...
Играют в России трубы
Великой Победы марш!